

СИСТЕМА ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЛОГИКА И ДОКТРИНАЛЬНАЯ СУДЬБА

В.Г. ГОЛУБЦОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-4-74-90

Автор обращается к проблемам систематики норм, составляющих подразд. 1 разд. III ГК РФ «Общие положения об обязательствах». Цель – привлечь научное внимание к обсуждению существующей теоретической модели обязательственного права. Автор исследует историю формирования общих положений законодательства об обязательствах, а также принципиальные идеи, на основе которых осуществлялось содержательное наполнение норм, составляющих общие положения об обязательствах. В плане постановки проблемы анализируются отдельные вопросы систематики общих норм, которые должны, по мнению автора, стать предметом доктринального внимания.

Ключевые слова: обязательственное право; подотрасль; общие положения; общие и специальные нормы; соотношение норм об обязательствах.

THE SYSTEM OF GENERAL PROVISIONS OF LAW OF OBLIGATIONS: LEGISLATIVE LOGIC AND DOCTRINAL DESTINY

V.G. GOLUBTSOV,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship Law,
Civil Litigation and Arbitration of the Perm State University

The author refers to problems of the systematics of norms that make up subsection 1 of section III of the Civil Code "General Provisions on Obligations". The goal is to attract scientific attention to the discussion of the existing theoretical model of law of obligations. The author examines the history of the formation of general provisions of the legislation on obligations, as well as fundamental ideas on the basis of which the content of norms that make up general provisions on obligations was carried out. In terms of posing the problem, certain issues of the systematics of general norms are analyzed, which, in the opinion of the author, should become the subject of doctrinal attention.

Keywords: law of obligations; sub-sector; general provisions; general and special norms; ratio of norms on obligations.

Завершение второго этапа кодификации обязательственного права вызвало значительный теоретический интерес к проблемам общих положений обязательственного права, благодаря чему имеющееся богатство научного знания об обязательствах получило серьезное пополнение¹. Но при всей значимости упомянутых работ, затрагивающих вопросы определения обязательств и их динамики, нельзя не отметить, что теоретические вопросы внутреннего структурирования норм подотрасли обязательственного права уже в который раз остались за пределами проведенных исследований. Необходимо признать в связи с этим, что сложившаяся ситуация характерна не только для обязательственного права: в цивилистике фактически отсутствуют специальные исследования, которые были бы посвящены доктринальному обоснованию вопросов построения и систематизации норм внутри подотраслей гражданского права. Следует отметить, что сегодня как таковых специально обоснованных теоретических моделей объективного обязательственного права и его общих положений в юридической доктрине не существует, несмотря на то, что законодательство со времен римских юристов претерпело кардинальные изменения и одних ссылок поэтому на пандектную систему построения кодекса явно недостаточно. Вопросы, имеющие отношение к теме систематизации обязательственно-правовых норм, поднимаются в основном лишь вскользь в процессе комментирования норм гражданского законодательства² или при иссле-

¹ См.: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. С. 231–270; Он же. Общие положения об обязательствах // Кодификация российского частного права. 2017 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, С. 227–282; Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: Учебное пособие. М.: Статут, 2015; Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частного права. М.: Статут, 2016.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 1: Части первая, вторая ГК РФ / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2001 (СПС «КонсультантПлюс»).

довании других проблем¹. Не касались этого вопроса и составители Концепции совершенствования общих положений обязательственного права². Как принято говорить в случаях констатации факта оставления какого-либо вопроса без доктринального освоения, он оказался деконцептуализированным, что представляется справедливым применительно к современному этапу развития обязательственного права и законодательства.

Несмотря на то что обязательству уже более двух тысяч лет, исторический масштаб эволюции норм, составляющих общие положения об обязательствах в России, не столь велик.

Свой отсчет такой эволюционный процесс ведет от 1832 г., когда были приняты первые попытки консолидации норм гражданско-правовой принадлежности в Своде законов Российской империи. Это было время, когда законодательной и научной параллели еще не существовало и не было сложившихся традиций юридического творчества. Как отмечал юрист-политик М.М. Винавер, «наука к тому времени слишком мало могла расчистить почву для законодателя... громадные области юридической жизни разрабатывались в летучих газетных заметках и были лишены всякой серьезной монографической обработки. Кодификатору оставалось лишь одно: совершенно отказаться от научного балласта, ограничиваясь соображениями от собственного разума и от кассационных решений...»³.

О каких-либо общих положениях об обязательствах в Своде законов речи не шло. Однако и утверждать, что нормы, относящиеся к обязательствам и договорам, имели совсем случайное соединение, тоже нельзя.

Правила, из которых в процессе последующих кодификационных работ сложились общие положения об обязательствах, располагались в разных отделах и даже томах. Анализ текста Свода позволяет увидеть, что отправными пунктами, относимыми составителями к разряду общих положений, являются пункты о самом обязательстве, разнесенные по разным статьям: определение обязательства (ст. 568 кн. II т. X «О праве по обязательствам»), обязанность исполнения (ст. 569), право требовать в случае неисполнения (ст. 570), форма договора и обязательства (ст. 571), (процессуальные) правила взыскания по договору (ст. 572). В этой же книге находилась статья «об отыскании вреда и убытков при неисполнении обязательства» (ст. 693). Самый крупный отдел общей части содержался

¹ См.: Иоффе О.С. Достояние Российской цивилистики: концептуальная и всесторонняя разработка проблем обязательственного права. Избранные труды. В 4 т. Т. III: Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 13–45; Щенникова Л.В. Гражданско-правовое понятие обязательства // Законодательство. № 8. 2008. С. 9–12.

² Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России, разработанная Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства // http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.

³ Винавер М.М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / Сост. и авт. вступ. ст. А.А. Маковский. М.: Статут, 2015. С. 165.

в кн. IV т. X «О составлении, совершении, исполнении и прекращении договоров вообще», в которую включались также статьи «об обеспечении договоров и обязательств вообще». Таким образом, к числу изначально сформулированных норм обязательственного права, которые впоследствии назовут вводными, составители Свода законов Российской империи 1832 г. отнесли статьи: о понятии обязательства; об исполнении обязательства; об обеспечении обязательства; об отыскании вреда и убытков; о прекращении обязательства. Никакой другой идеи, кроме той, что составители стремились понять, что представляет собой обязательственное отношение, исходя из имеющихся на тот момент разрозненных нормативных установлений, которые были ревизованы составителями Свода, набор этих норм увидеть не позволяет.

Оценивая впоследствии итоги труда составителей Свода законов Российской империи, М.М. Винавер отнесся весьма критично к его результатам, отметив, что «общая часть обязательственного права, собственно, отсутствует. Ибо нельзя окрещивать этим внушительным именем два десятка статей, согнанных со всего света, дурно переведенных, изрезанных и искалеченных»¹. Столь же категоричен был и Г.Ф. Шершеневич, указавший, что «не только внешняя форма, но и весьма значительная часть этого материала составляет заимствование главным образом из французского образца, иногда просто перевод, подчас весьма неудачный»².

Научное изучение обязательства началось уже после завершения работы над Сводом законов в 1845 г. Это был год первого прочтения лекций по гражданскому праву Д.И. Мейером³, ставших заметным толчком для относительно системного изложения изучения и общих положений об обязательствах. В этот период также активно шел процесс сознательного приближения гражданского законодательства России к законодательству континентальной Европы, устроенному по пандектной системе.

К моменту разработки проекта Гражданского уложения Российской империи, работа над которым велась с 1882 по 1913 г.⁴, появились пусть и немногочисленные, но более основательные научные труды, посвященные обязательствам. Одним из них была докторская диссертация 1872 г. профессора Варшавского университета В.И. Голевинского «О происхождении и делении обязательств». Ценность работы состояла в том, что в ней систематически была изложена общая

¹ Винавер М.М. Указ. соч. С. 163.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М., 1912. С. 52.

³ Белов В.А. Эволюция понятия обязательства в российском гражданском праве // Гражданско-правовые обязательства: Вопросы теории и практики: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.С. Шевченко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 3.

⁴ Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Я. Саатчиан. СПб.: Изд. Книжного магазина «Законоведение», 1910. Т. 1-2.

часть обязательственного права¹. Ее автор какое-то время был членом редакционной комиссии по разработке проекта Гражданского уложения и, обладая глубокими познаниями в области обязательственного права, указывал, что «только после установления общих начал можно с успехом предусматривать и определять отдельные, чаще других встречающиеся на практике обязательственные отношения... Мелочная казуистика в этом отношении совершенно бесплодна, а в законодательстве даже вредна»². По свидетельству Г.Ф. Шершеневича, оценившего в историко-критическом ключе развитие науки гражданского права в период с середины XVIII в. до 90-х гг. XIX в., «в практическом отношении этот труд оценен не был»³.

Редакционная комиссия по разработке проекта пятой книги Гражданского уложения Российской империи в редакции 1899 г. в итоге пришла к выводу о том, что «законодательная практика не установила до сих пор объема и содержания положений, долженствующих служить введением в общую часть обязательственного права». В связи с этим комиссия сочла необходимым последовать примеру Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских и при изложении введения в общую часть обязательственного права ограничиться «лишь определением обязательства и указанием оснований, из коих обязательства возникают»⁴.

Изданный в 1899 г. проект книги об обязательствах делился на три части: 1) общие положения; 2) обязательства по договорам вообще; 3) обязательства по договорам в особенности. Давая объяснения к общим положениям, редакционная комиссия так обосновала их значение для обязательственного права: «1) Права по обязательствам выделяются из области прав имущественных в особый отдел, потому что они различаются от всех прочих прав по имуществу, образующих права вотчинные. 2) Не безразлично место, отводимое в уложении таким общим нормам: они скорее останавливают внимание, когда помещены во главе того отдела, к которому относятся выраженные в них руководящие начала. 3) Обязательственные отношения особенно многочисленны и чрезвычайно разнообразны, а потому не бесполезно выставить на вид такие черты, которые общи им всем»⁵.

Проблематика общих положений в той или иной мере попадала в сферу внимания науки. С.П. Гальперин, имея в виду изменчивость права и взглядов на него, обращал внимание на шаткость всех вообще общих положений в юрис-

¹ Голевинский В.И. О происхождении и делении обязательств. Варшава: Тип. О. Бергера, 1872.

² Цит. по: Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX – начале XX века. Статья пятая // Законодательство. 2015. № 12. С. 81.

³ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России / Науч. ред. В.С. Ем. М.: Статут, 2003. С. 87.

⁴ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 85.

⁵ Там же. С. 87.

пруденции¹. Обсуждались смысл и назначение общих положений применительно как ко всему нормативному тексту, так и к его отдельным частям. С.В. Пахман подразумевал под общими положениями небольшое *введение* к основному содержанию Гражданского уложения². В качестве общих условий юридических отношений, входящих в состав одного отдела, рассматривал общие положения К.Д. Кавелин³. М.М. Винавер именовал общие положения обязательственного права «*лестницей правил по степени убывающей общности* (обязательства, договор, данный договор)», видя в них основу правильной логической схемы распределения законодательного материала, и обращал внимание на ведущие признаки этой группы норм, указывая в их числе космополитизм и универсальность⁴.

Самые краткие выводы из исторического экскурса в дореволюционную цивилистику позволяют определить первые теоретические достижения, которые касались качества, содержания и наполнения норм об общих положениях обязательственного права. Наука видела в них логическую основу расположения всего последующего законодательного материала, не признающую казуистики в их изложении, универсальный характер и необходимость учета в их содержании собственной истории. Законодатель руководствовался практической применимостью таких норм для пользователей и правоприменителя.

Этот не слишком значительный в теоретическом и законодательном отношении багаж знаний о роли, месте и сущности общих положений обязательственного права от дореволюционной цивилистики получила советская цивилистика. Развить его в первые послереволюционные годы было некому из-за вакуума научных сил и ленинского требования «бороться против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным юристам, кои перенимают) старое буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое»⁵.

И все же, не будучи принятым, проект и опыт разработки его общих норм об обязательствах, последовательность их изложения и внутреннего наполнения – все это послужило основным источником содержания норм ГК РСФСР 1922 г. об обязательствах и общих положений о них. Как отмечалось в науке, не последнюю роль сыграл факт нейтральности норм об обязательствах по отношению к политическим процессам⁶.

¹ Гальперин С.П. Замечания на главу первую проекта V книги Гражданского уложения («Об обязательствах») // Вестник права. 1903. № 1. С. 62.

² Пахман С.В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8 (ноябрь). С. 214.

³ Кавелин К.Д. Права и обязанности по имуществу и обязательствам. М.: Книга по Требованию, 2011.

⁴ Винавер М.М. Указ. соч. С. 165, 174.

⁵ Цит. по: Антонова Л.И. Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930 гг.) // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 147.

⁶ Лядашева-Ильичева М.Н. Развитие обязательственного права России XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 135.

Работа над разделом обязательственного права ГК РСФСР 1922 г. началась под давлением экономических обстоятельств. Вопрос о «началах», или объединительных нормах для всех обязательств этого проекта, по признанию одного из его разработчиков, А.Г. Гойхбарга, стоял очень остро. Однако вопросам системы проекта внимание почти не уделялось. Известен лишь один случай, касающийся разрешения вопроса о том, включать или нет в правила об обязательствах нормы о торговых сделках.

Подготовленная в короткий срок Общая часть раздела об обязательствах получила в итоге название Кодекса законов об обязательствах, вытекающих из договоров¹. Опыт его подготовки оказался неудачным и показал, что вопросы гражданско-правового регулирования требуют более основательной разработки, включая и систематику его разделов.

В этом акте первой состоявшейся кодификации, не особо различавшем понятия «договор» и «обязательство», содержались фактически две общие части обязательственного права: 5.1 «Общие положения» (ст. 106–129) и 5.2 «Положения об обязательствах, возникающих из договоров» (ст. 130–151). Научной опорой для выстраивания именно таких вводных начал обязательственного права послужили труды дореволюционных юристов. Других на тот период истории не было. Впоследствии О.С. Иоффе и Ю.К. Толстой указывали на недостаточную обоснованность избранной составителями ГК РСФСР 1922 г. систематики норм об обязательствах: поскольку обязательства возникают не только из договоров, нельзя считать оправданным возведение договорно-правовых норм в ранг общих правил обязательственного права в целом².

Наиболее удачным с точки зрения систематизации норм об обязательствах оказался ГК РСФСР 1964 г., внутренняя согласованность норм которого явилась его значительным технико-юридическим достижением, что позволило перенести ее без каких-либо внешних изменений в структуру разд. III современного ГК РФ.

В ГК РСФСР 1964 г. из 569 статей 317 было отведено обязательствам. Такое число норм требовало определенного технико-юридического совершенства, в том числе даже в вопросах их расположения. Раздел III Кодекса имел внутреннее подразделение на пункты. Пункт 1 именовался «Общие положения об обязательствах» (в настоящем Кодексе это подразд. 1). В него входило шесть глав (15–21), названия и очередность воспроизведения которых были подчинены общей идее систематизации этих вводных норм о «приблизительном соответствии естественному развитию обязательственного отношения»³. Это развитие составители видели в такой последовательности: возникновение обязательства; исполнение обяза-

¹ Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. М.: Зерцало-М, 2012. С. 16–17.

² Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый гражданский кодекс РСФСР // Правоведение. 1964. № 3. С. 3–21.

³ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006 гг.). М.: Статут, 2010.

тельства; обеспечение исполнения обязательства; перемена лиц в обязательстве; ответственность за нарушение обязательства; прекращение обязательства. Сохраняющаяся доктринальная неопределенность в вопросе о соотношении договора и обязательства привела к тому, что начальная гл. 15 из Общих положений об обязательствах в основном была посвящена договорам (ст. 160–167). Далее следовала гл. 16 «Исполнение обязательств», которая также имела собственные общие положения (ст. 168). Собственную статью под названием «Общие положения» (186) содержала и гл. 17 «Обеспечение исполнения обязательств». Подобная многоуровневость общих положений не имела какого-либо специального объяснения, так как норм, объясняющих такую множественность в горизонтали общих положений, не существовало. Но тем не менее эта не в полной мере удавшаяся попытка продемонстрировала явное намерение законодателя выстраивать нормы обязательственного права по схеме от общего к частному, учитывая алгоритм развития возникшего обязательства.

Как показала последующая кодификационная история, эволюция обязательственного права не всегда сопровождается эволюцией систематики его норм. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г.¹ содержалась отдельная глава «Общие положения об обязательствах», которая, кроме одной статьи о понятии обязательства, фактически вся была посвящена гражданско-правовому договору.

На системное устройство современного разд. III ГК РФ 1994 г. и логику его наполнения серьезное влияние оказал именно ГК РСФСР 1964 г. В силу небольшого числа документальных свидетельств принятия ГК РСФСР 1964 г. данный факт остается не особенно замеченным, но влияние это существенно. По сути, этот акт кодификации заложил ту логико-операционную систему соотношения норм, составляющих общие положения об обязательствах, которая оказалась в полной мере задействованной и в ГК РФ 1994 г. Были и другие положительные моменты. Во-первых, право, заложенное в текст этого социалистического Кодекса, хотя и было «другим» в смысле эпохи его создания, но это было все же право, основанное на отечественных традициях, собственных, «российских» идеях и подходах к внутренней систематизации. Во-вторых, социалистический период в истории юриспруденции был отмечен не только появлением общепринятой теории обязательств, создавая которую ученые фактически подтвердили обоснованность традиционных подходов к систематизации норм об обязательствах, предпринятой в первых актах кодификации, но и другими успехами в области системного теоретического обозрения гражданского права в целом и обязательственного в частности. Именно в этот период истории благодаря исследованиям структуры права в теоретический оборот вошло понятие «подотрасль права», введенное в науку О.С. Иоффе. Автор пришел к выводу, что для полного опре-

¹ Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

деления структуры права недостаточно уже вычлененных подразделений его системы – нормы права, института и отрасли права, и предложил такие структурные подразделения системы права, как принципы права, подотрасли права и субинституты¹. Понятие «подотрасль права» в теоретической юриспруденции вполне прижилось, обеспечив на будущее возможность системной научной проработки ее общих положений в рамках не только конкретной отрасли, но и подотрасли.

На основе проведенного анализа и с учетом ныне действующего правового массива можно выделить основные характеристики системы обязательственного права в современный период. На фоне подотрасли вещного права, не имеющей (исторически и в настоящий момент) собственной системообразующей структуры, которую предопределяют общие положения, структура подотрасли обязательственного права в ее юридико-техническом построении выглядит вполне удачной. Подчиняясь той идее, которая связана с последовательностью развития циклов существования обязательства: понятие обязательства (гл. 21); исполнение обязательства (гл. 22); обеспечение исполнения обязательства (гл. 23); перемена лиц в обязательстве (гл. 24); ответственность за нарушение обязательства (гл. 25); прекращение обязательства (гл. 26), – она вполне удобна для практического применения.

Пределы действия и взаимозависимости этой группы базовых норм определены в ст. 307.1 ГК РФ. Наличие данной нормы (в совокупности со ст. 308.1, 308.2, 308.3) увеличивает в количественном и содержательном отношении численность норм, наполняющих подраздел «Общие положения об обязательствах». Это позволяет говорить о научном, правоприменительном, правореализационном и, что не менее важно, об образовательном эффекте. Ни для кого не является секретом, что при изучении гражданского права в рамках обязательственного права рассматривается не только собственно обязательственное право, но и право договорное. В итоге изучение обязательственного права нередко сводится к праву договорному, что формирует у обучающихся ошибочное представление о том, что договор и обязательство – это одно и то же.

В новой ст. 307.1 ГК РФ систематизированы три группы обязательств: договорные, из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения – на предмет соотношения норм о них с общими положениями об обязательствах. Как установлено п. 1 упомянутой статьи, общие положения об обязательствах применяются, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в ГК РФ и иных федеральных законах. Подобный прием в науке именуется «лестницей обобщений» от общего к частному и состоит в том, что «нормы более высокой ступени (более общие по содержанию) пред-

¹ Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Уч. записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14. С. 49.

ставляют собой как бы вынесенные за скобки правила, применяемые к более конкретным нормам низлежащих ступеней»¹.

Как видно, речь не идет о создании возможности выбора сторонами обязательства норм общих или специальных – налицо законодательно предписанная иерархия их соотношения. Игнорирование данного правила способно привести к неверному представлению о том, что регулирование обязательственных отношений сводится только к нормам специальным или только к общим нормам с привлечением лишь тех специальных норм, которые могут детализировать нормы общие. Здесь законодатель исходит из того, что регулирование конкретного обязательства – это предмет обширного специального законодательства, включающего нормы двоякого рода: общие положения об обязательствах и договорах (разд. III ГК РФ, часть первая) и нормы об отдельных видах обязательств (разд. IV ГК РФ, часть вторая). Рациональное обоснование этого общепринятого канона состоит в том, что, принимая специальный закон, законодатель стремится уточнить и при необходимости модифицировать нормы общего закона применительно к конкретным видам обязательственных отношений. Правило о соотношении общих и специальных норм является генеральным, т.е. действующим независимо от того, прописано оно в законе или нет.

Особой новизны в этом правиле нет, поскольку используется известный прием, при котором приоритет отдается не общим нормам, а нормам специального законодательства, что в практике правоприменения норм об обязательствах работает без особых сбоев². Но легальность этого правила следует признать его несомненным достоинством. Подобный прием не только напоминает о логике пандектной системы, являющейся основой правового мышления российских цивилистов, но и соответствует правилам системной взаимосвязи общих и специальных норм обязательственного права, которые не всегда лежат на поверхности и не всегда очевидны. Так, специальные нормы о договорных обязательствах представлены в ГК РФ тремя уровнями правового регулирования: 1) общие положения об обязательствах (гл. 21–26); 2) общие положения о договоре (гл. 27–29); 3) правила об отдельных видах договорных обязательств (гл. 30–58). Существующая разноуровневость норм о договорных обязательствах и умозрительность правила о приоритете одних норм из этой линейки над другими, как представляется, слишком плохой ориентир как для субъектов правоприменения, так и для правоприменителя. Для того чтобы понимать, какие в итоге нормы являются приоритетными в регулировании договорных обязательств, а какие лишь субсидиарны, требовались значительные усилия.

¹ Маковский А.Л. Указ. соч.

² См.: апелляционное определение Белгородского областного суда от 1 сентября 2015 г. по делу № 33-3750/2015; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 15 января 2016 г. № 06АП-6757/2015 по делу № А73-12559/2015 // СПС «Гарант» и др.

Современные правила следует признать более логичными и прозрачными. Их суть проста: если речь идет об отдельном обязательстве, то в условиях многоуровневого регулирования обязательств и их разновидностей поиск необходимой нормы идет по траектории снизу (от нормы специальной) вверх (к норме общей). Такова теоретическая формула, на которой основано правило п. 1 ст. 307.1 ГК РФ применительно к договорным обязательствам. На практике это означает, что в регулировании конкретного обязательства первичными являются специальные нормы, содержащиеся в соответствующей главе ГК РФ о данном обязательстве и (если таковые имеются) в специальных законах. Лишь после исчерпания этого ресурса и обнаружившейся нехватки специальных норм применяются общие нормы об обязательствах, расположенные в гл. 21–26 ГК РФ.

Известно, что разделение норм на общие и специальные проводится в зависимости от их назначения. Общие нормы либо предназначены для всех субъектов, поскольку в них закреплены правила поведения без учета каких-либо особенностей экономической и иной деятельности, либо различие общих и специальных норм заключается в объеме правового регулирования, поскольку специальная норма, в отличие от общей, регулирует не все виды предметных отношений, а лишь часть этих отношений, представляя собой некое изъятие из правил, заключенных в общей норме. Так, общие нормы обязательственного права, заключенные в специальный подраздел, призваны, с одной стороны, обеспечить унифицированное регулирование всех обязательственных правоотношений, а с другой стороны, учесть особенности каждого.

Специальные нормы отражают особенности правового регулирования в отдельных областях. Практическое же значение такого деления норм заключается в том, что специальным нормам в процессе правоприменения отдается предпочтение перед общими. Нормы общие применяются лишь тогда, когда соответствующее отношение не урегулировано либо не в полной мере урегулировано в нормах специальных. Между общими и специальными нормами существует неразрывная связь: специальное законодательство базируется на общем законодательстве, оно зависимо от него, так как использует конструкции и категории общих норм. И общие, и специальные нормы имеют одинаковую юридическую силу.

Как отмечает А.С. Еременко, общая, или простая, норма гражданского права – это гражданский закон, предусматривающий гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет общее для всех субъектов (объектов) гражданских прав условие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения. Специальная норма предусматривает гражданско-правовое последствие, которое наступает в силу наличия такого основания гражданских прав и обязанностей, которое определяет особое (исключительное) для субъектов (объектов) гражданских прав усло-

вие правомерной реализации данного последствия, влияющее на квалификацию данного конкретного гражданского отношения¹.

Понимание соотношения норм общих и норм специальных, конечно, не способно абсолютно уберечь от потенциальных субординационных коллизий при применении норм обязательственного права. В усложняющемся гражданском законодательстве оснований и поводов для этого хватает. В их числе разные формы концентрации общих и специальных норм в нормативном материале: общие положения кодекса и общие положения подотраслей; специальные параграфы и специальные законы. Поэтому потенциально возможны три вида конкуренции гражданско-правовых норм, регулирующих обязательственные отношения: между общими нормами; между общей и специальной нормами; между специальными нормами. Минимизация случаев такой конкуренции зависит, в частности, от продуманности тех норм об обязательствах, которые составляют его общие положения.

В нормах общих положений об обязательствах долгое время отсутствовало разграничение между договорными и внедоговорными (деликтными, кондикционными) обязательствами и не были определены особенности их правового регулирования. На это «общее упущение и необходимость его исправить в целом» обращал внимание еще М.М. Винавер при разработке проекта Гражданского уложения 1899 г.² В настоящее время установлено соотношение общих положений об обязательствах с правилами об отдельных видах внедоговорных обязательств. Как закреплено в п. 2 ст. 307.1 ГК РФ, «к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено соответственно правилами глав 59 и 60 или не вытекает из существа соответствующих отношений». Однако порядок применения общих положений об обязательствах для целей регулирования обязательств внедоговорных несколько иной. Здесь также специальные нормы (гл. 59, 60 ГК РФ) приоритетны по отношению к общим положениям. Но специфика обязательств из причинения вреда и обязательств из неосновательного обогащения предусматривает возможность и иного регулирования. Поэтому по отношению к этим видам обязательств закреплена необходимость учета также их существа с установлением приоритета существа внедоговорных отношений над буквальным текстом общих положений об обязательствах. Тем самым в законодательстве появилась еще одна оценочная категория – существо внедоговорного обязательства, оттенки которой сформировать законодателю не под силу. Не всеми учеными принимается в учет эта сущностность внедоговорных обязательств³,

¹ Еременко А.С. Конкуренция норм гражданского права в механизме юридической квалификации гражданских отношений // Вестник Удмуртского университета. 20011. № 3. С. 112.

² Винавер М.М. Указ. соч. С. 167.

³ Соломин С.К. Новеллы обязательственного права: постановка некоторых проблемных вопросов // Закон. 2015. № 9. С. 147.

однако законодательная цель достигнута – правила субсидиарного применения общих положений об обязательствах к договорным и внедоговорным обязательствам впервые построены на четком их разграничении.

Изменение предметных характеристик всего гражданского права за счет вычленения в сфере его регулирования корпоративных отношений потребовало необходимой координации корпоративных норм с нормами обязательственного права. Сделать это было возможно за счет законодательного указания на то, что корпоративные и обязательственные отношения – это не тождественные явления. С принятием п. 3 ст. 307.1 ГК РФ был устранен назревший недостаток действовавших норм об обязательствах, определявших понятие «обязательство», однако не позволявших отграничить обязательство от иных категорий сходных гражданских правоотношений, прежде всего от корпоративных. Проблема разрешилась за счет дополнения п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, установившего возможность применения общих положений об обязательствах к другим определенным гражданским правоотношениям (реституционным, корпоративным), если иное не установлено ГК РФ и иными федеральными законами и не вытекает из существа соответствующих гражданских правоотношений. На данный момент эти нормы не имеют достаточной для акта кодификации системной регуляции. Установление в ГК РФ нормы о том, что к требованиям, возникшим из корпоративных отношений (гл. 4), применяются общие положения об обязательствах, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений (подп. 1 п. 3 ст. 307.1 Кодекса), завершило правовое регулирование корпоративных отношений. Названная правовая норма вслед за абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ закрепила самостоятельность корпоративных отношений и отделила их от отношений обязательственных и реституционных. Таким образом, законодатель допустил распространение общих норм обязательственного права на другие виды относительных отношений, при условии, что специальных норм в реституционном и корпоративном законодательстве нет или недостаточно для их регулирования.

Вышеприведенный анализ формулирует общие подходы законодателя к сегодняшнему построению подразд. 1 «Общие положения об обязательствах». Он же в целом соответствует и существующим доктринальным. Однако можно обозначить несколько позиций, которые, как представляется, могли бы быть учтены законодателем при возможном изменении и дополнении существующего регулирования.

Согласно вводной статье в подразд. 1 разд. III ГК РФ «Общие положения об обязательствах», поименованной «Понятие обязательства» (ст. 307), структуру и содержание всего подраздела предопределяют сущность обязательственного отношения и его динамика. Это та базовая идея, которая обеспечивает существующую систематику общих норм об обязательствах.

Однако вопрос об оптимальности наполнения общих положений теми нормами, которые сегодня введены в подразд. 1 об общих положениях, возможно

подвергнуть научному сомнению. Одним из поводов является развитие теории принципов в гражданском праве. Признание их роли в правовом регулировании, а также конструктивной функции ведет цивилистику к новым тематическим достижениям, основанным на дифференциации принципов. Сегодня не столь часто, но все-таки обсуждается идея о принципах обязательственного права как самостоятельном феномене¹. С.А. Сеницын, например, отводит подотраслевым принципам роль системообразующей основы, на которой формируется все подотраслевое законодательство, являясь одновременно и ориентиром его будущего развития. Учитывая особенности обязательственных прав, реализуемых с помощью обязательства, автор не исключает возможности нормативного закрепления принципов обязательственного права².

На наш взгляд, в доктринальном внимании нуждаются и терминологические аспекты вопроса об общих положениях. Их актуальность обостряется на фоне проектируемой систематизации и обособления общих положений о вещных правах, где систематизирующей единицей выступает категория «вещные права». Термин «обязательственные права» в содержании общих норм об обязательствах практически не употребляется, обрекая эту значимую для обязательственного права абстракцию на второстепенность, в то время как присутствие этой категории в поле зрения законодателя позволило бы дать подразд. 1 другое, более точное название, объединяющее субъективные обязательственные права и обязательство как правоотношение, – «Общие положения обязательственного права».

Границы и условия осуществления обязательственных прав законодатель попытался сконструировать в п. 3 ст. 307 ГК РФ. Однако такая редакция нормы породила обоснованное сомнение в том, что «буквальное толкование положений комментируемой статьи приводит к выводу, что специальным законом может быть отменено требование учета прав и законных интересов друг друга, добросовестности при исполнении обязательства, взаимного содействия и др.»³. Исключить подобные сомнения возможно за счет введения отдельной нормы о границах реализации обязательственных прав.

В заключение отметим, что разработка идеальной теоретической модели объективного обязательственного права – достаточно актуальная и амбициозная для науки задача. Абстрагируясь в научном отношении от проблем систематики, наука

¹ См.: Богданов В.Я. Принципы и механизм правового регулирования обязательственных отношений: Научно-методическое пособие. М.: ИПК госслужбы, 2003; Голубева Н.Ю. К вопросу о некоторых принципах обязательственного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 135–144; Волос А.А. Принципы обязательственного права / Под ред. Е.В. Вавилина. М.: Статут, 2016.

² Сеницын С.А. Принципы вещного и обязательственного права: к вопросу о разграничении вещных и обязательственных прав // Законодательство. 2015. № 10. С. 21.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / Под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2016 (СПС «КонсультантПлюс»).

признает, что это внутреннее дело законодателя. Но логики в таком подходе немного, хотя бы потому, что по общему правилу, получив результаты такого внутреннего усмотрения, наука обычно не остается в стороне, стремясь дополнить, поправить, улучшить, изменить сделанное законодателем. Представляется, что научные знания в этом вопросе должны стать необходимым подспорьем для законодательной практики, помогая ей учесть новые и актуальные тенденции в развитии разных отраслей научных знаний, неизбежно влияющих на нормы обязательственного права. Но на сегодня необходимо констатировать, что ни до, ни вовремя, ни после современной реформы обязательственного права доктрина гражданского права не качнулась в сторону предметного теоретического изучения вопроса о системообразующей роли общих положений обязательственного права. И пока упоминание об этой совокупности норм как структурном элементе подотрасли обычно звучит довольно кратко, в виде констатации того, что «общую часть обязательственного права составляют общие для всех обязательств положения». Далее идет разбор нормативного материала каждой из шести глав, составляющих «тело» общих положений. Получится ли у науки при дальнейшем сохранении такой традиции создать новое знание о систематике этой группы норм – вопрос будущего, решение которого, как думается, пошло бы на пользу и науке, и правоприменению.

References

Antonova L.I. Revolyutsionnaya kodifikatsiya zakonodatel'stva RSFSR (1920–1930 gg.) [Revolutionary Codification of the Legislation of the RSFSR (1920–1930)] (in Russian) // Management Consulting. Actual Problems of State and Municipal Government. 2008. No. 4(32).

Belov V.A. Evolyutsiya ponyatiya obyazatel'stva v rossijskom grazhdanskom prave [Evolution of the Concept of Obligation in Russian Civil Law] (in Russian) // Grazhdansko-pravovye obyazatel'stva: Voprosy teorii i praktiki [Civil Liability: Issues of Theory and Practice] / Ed. by A.S. Shevchenko. Vladivostok, 2001.

Bogdanov V.Ya. Printsipy i mekhanizm pravovogo regulirovaniya obyazatel'stvennykh otnoshenij [Principles and Mechanism of the Legal Regulation of Obligations] (in Russian). Moscow, 2003.

Eremenko A.S. Konkurentsia norm grazhdanskogo prava v mekhanizme yuridicheskoy kvalifikatsii grazhdanskikh otnoshenij [The Competition of Civil Law Norms in the Mechanism of Legal Qualification of Civil Relations] (in Russian) // Bulletin of the Udmurt University. 2011. No. 3.

Galperin S.P. Zamechaniya na glavu pervuyu proekta V knigi Grazhdanskogo ulozheniya («Ob obyazatel'stvakh») [Comments on the First Chapter of the Draft Book V of the Civil Code (“On Obligations”)] (in Russian) // Law Herald. 1903. No. 1.

Golevinsky V.I. O proiskhozhdenii i delenii obyazatel'stv [On the Origin and Division of Liabilities] (in Russian). Warsaw, 1872.

Golubeva N.Yu. K voprosu o nekotorykh printsipakh obyazatel'stvennogo prava [On the Issue of Certain Principles of Law of Obligations] (in Russian) // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2013. No. 1.

Ioffe O.S. Dostoyanie Rossijskoj tsivilistiki: kontseptual'naya i vsestoronnaya razrabotka problem obyazatel'stvennogo prava. Izbrannye trudy. V 4 t. T. III: Obyazatel'stvennoe pravo [The Property of Russian Civil Law: The Conceptual and Comprehensive Development of Problems of Law of Obligations. Selected Works. In 4 vol. Vol. III: Law of Obligations] (in Russian). St. Petersburg, 2004.

Ioffe O.S. Strukturnye podrazdeleniya sistemy prava (na materialakh grazhdanskogo prava) [Structural Subdivisions of the System of Law (on Materials of Civil Law)] (in Russian) // Uch. zapiski VNIISZ [Scientific Notes of the All-Union Research Institute of Soviet Legislation]. Issue 14. Moscow, 1968.

Ioffe O.S., Tolstoy Yu.K. Novyj grazhdanskij kodeks RSFSR [The New Civil Code of the RSFSR] (in Russian) // Jurisprudence. 1964. No. 3.

Kavelin K.D. Prava i obyazannosti po imushchestvu i obyazatel'stvam [Rights and Duties on Property and Liabilities] (in Russian). Moscow, 2011.

Khoblov V.A. Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvakh [General Provisions on Obligations] (in Russian). Moscow, 2015.

Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federatsii. V 2 t. T. 1: Chasti pervaya, vtoraya GK RF [A Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. In 2 vol. Vol. 1: Parts One, Two of the Civil Code of the Russian Federation] (in Russian) / Ed. by T.E. Abova, A.Yu. Kabalkin. Moscow, 2011.

Kontseptsiya sovershenstvovaniya obshchikh polozhenij obyazatel'stvennogo prava Rossii, razrabotannaya Sovetom pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva [The Concept of Improving General Provisions of Law of Obligations of Russia, Developed by the Presidential Council on the Codification and Improvement of Civil Law] (in Russian) // http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.

Lyadashcheva-Ilyicheva M.N. Razvitie obyazatel'stvennogo prava Rossii XIX – nachala XX v.: Dis. ...kand. jurid. nauk [Development of Law of Obligations of Russia in the 19th – the beginning of the 20th Century: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences] (in Russian). Saratov, 2002.

Makovsky A.L. O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006 gg.) [On the Codification of Civil Law (1922–2006)] (in Russian). Moscow, 2010.

Novitskaya T.E. Grazhdanskij kodeks RSFSR 1922 g. [The Civil Code of the RSFSR of 1922] (in Russian). Moscow, 2012.

Pakhman S.V. K voprosu o predmete i sisteme russkogo grazhdanskogo ulozheniya [On the Subject and the System of the Russian Civil Code] // Journal of Civil and Criminal Law. 1882. Book 8 (November).

Sarbash S.V. Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv [Elementary Dogmatism of Obligations] (in Russian). Moscow, 2016.

Shchennikova L.V. Grazhdansko-pravovoe ponyatie obyazatel'stva [Civil Law Concept of Obligation] (in Russian) // Legislation. 2008. No. 8.

Shersbenevich G.F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii [The Science of Civil Law in Russia] (in Russian) / Ed. by V.S. Em. Moscow, 2003.

Shersbenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law] (in Russian). 9th ed. Moscow, 1912.

Sinitzyn S.A. Printsipy veshchnogo i obyazatel'stvennogo prava: k voprosu o razgranichenii veshchnykh i obyazatel'stvennykh prav [Principles of Real and Liability Law: To the Question of Delineation of Real and Obligatory Rights] (in Russian) // Legislation. 2015. No. 10.

Solomin S.K. Novelly obyazatel'stvennogo prava: postanovka nekotorykh problemnykh voprosov [The Novels of Law of Obligations: The Formulation of Some Problem Questions] (in Russian) // Law. 2015. No. 9.

Tomsinov V.A. Razrabotka proekta Grazhdanskogo ulozheniya i razvitie nauki grazhdanskogo prava v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. Stat'ya pyataya [Development of the Draft Civil Code and the Development of Civil Law in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries. Article 5] (in Russian) // Legislation. 2015. No. 12.

Vinaver M.M. Iz oblasti tsivilistiki. Nedavnee (vospominaniya i kharakteristiki) [From the Field of Civil Law. Recent (Memories and Characteristics)] (in Russian) / Comp. by A.L. Makovsky. Moscow, 2015.

Vitryansky V.V. Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvakh [General Provisions on Obligations] (in Russian) // Kodifikatsiya rossijskogo chastnogo prava [Codification of Russian Private Law] / Ed. by P.V. Krashennnikov. Moscow, 2017.

Vitryansky V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [The Reform of the Russian Civil Legislation: Interim Results] (in Russian). Moscow, 2017.

Volos A.A. Printsipy obyazatel'stvennogo prava [Principles of Law of Obligations] (in Russian) / Ed. by E.V. Vavilin. Moscow, 2016.

Information about the author

Golubtsov V.G. (Perm) – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration of the Perm State University (614990, Perm, Bukireva St., 15; e-mail: predprim.pravo@gmail.com).